

24. Schramm P.E. *A History of English Coronation*. Oxford, 1937.
25. Seebohm F. *The English Village Community*. – L., 1883.
26. Stenton F.M. *Anglo-Saxon England*. – Oxford, 1943.
27. Stubbs W. *The Constitutional History of England in its Origin and Development*. In 3 vols. – Oxford, 1903 – 1906. Vol.1.
28. *The Anglo Saxon Chronicle*, a. 955, 957, 978 // *English Historical Documents*. – L., 1955. – Vol. 1.
29. *The Laws of the Earliest English Kings*. – Cambridge, 1922. P. 212, 234.
30. Wainwright F.T. *Aethelfled, Lady of the Mercians // The Anglo-Saxons*. – L., 1959.
31. Wallace-Hadrill J.M. *Early Germanic Kingship in England and on the Continent*. – Oxford, 1971.
32. Ward P.L. *The Coronation Ceremony in Medieval England // Speculum*. – 1939. – Vol. XIV. – № 2.
33. Whitelock D. *The Beginnings of English Society*. – Harmondsworth, 1952.
34. Williams A. *Problems Connected with the English Royal Succession, 860–1066 // Proceedings of the Battle Conference*. – 1979. – Vol. 1.
35. Wormald P. *Celtic and Anglo-Saxon Kingship: Some Further Thoughts // Sources of Anglo-Saxon Culture*. – Michigan, 1986.
36. Блок М. *Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии*. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
37. Глебов А. Г. *Альфред Великий и Англия его времени*. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2003.
38. Глебов А.Г. *Англия и континентальная Европа в V–VIII вв.: экономические контакты // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки*. 1997. № 1.
39. Шервуд Е. А. *От англосаксов к англичанам: к проблеме формирования английского народа*. – М.: Наука, 1988.

УДК 94(47).084.3:347.961

А.В. Долгов

РАЗРУШЕНИЕ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО НОТАРИАТА И ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920-Е ГОДЫ

В статье автор обращается к проблеме нотариальной службы в контексте советской политико-правовой системы в 1920-е годы. Обращение к конкретным социальным практикам ставропольского населения по-

зволило установить, что нотариат на Ставрополье работал непрерывно.

Ключевые слова: нотариальная служба, система советского управления, новая экономическая политика, социальная практика.

A. V. Dolgov

THE DESTRUCTION OF RUSSIAN NOTARIAL STRUCTURE AND SPECIFIC FEATURES OF RECONSTRUCTION OF NOTARIAL SERVICES IN STAVROPOL PROVINCE IN THE 1920-S

In the article, the problem of notarial service in the context of Soviet political and legal system in the 1920-s is analyzed. Having studied some social practices of Stavropol province population the author concluded that the

notary offices in the region functioned uninterruptedly in spite of the Russian revolution.

Key words: notarial service, the system of Soviet administration, New Economic Policy, social practice.

Теоретическое и практическое экспериментирование советской власти в 1920-е гг. в поиске путей построения коммунисти-

ческого общества, с одной стороны, повлияли и на судьбу судебных и правоохранительных органов, включая нотариат,

а с другой, именно организация советского нотариата стала поправкой, сделанной реальной жизнью.

Строительство новой правовой системы началось с Декрета о суде, опубликованного 24 ноября 1917 года [32, с. 15–17]. Согласно этому документу, упразднялись действовавшие до этого судебные органы от окружных судов до правительствующего сената, включая специальные военные и коммерческие суды. В связи с этим приостанавливалась вся судебная практика, ликвидировались институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры, которые Временное правительство сохраняло как институты демократической системы. Вводились прямые выборы мировых судей и прямое народное участие в судебных процессах в виде заседателей. В переходный период судебные функции передавались местным советам. Служащим местных судебных органов предписывалось исполнять обязанности на прежних местах под руководством советских комиссаров. Критериями судебной совести как раз и были провозглашены революционная совесть и революционное правосознание.

По мере развертывания гражданской войны менялись условия функционирования правоохранительных органов. Поэтому ВЦИК 7 марта 1918 г. издал новый Декрет о суде, в котором излагались функции и порядок создания окружных судов, порядок ведения предварительного и судебного следствия, говорилось о процедуре обвинения и защиты. Обвинительное заключение заменялось постановлением следственной комиссии, а для защиты обвиняемых создавалась коллегия «правозаступников» в местных советах. В июле 1918 г. в дополнение к предыдущим декретам о суде вышел еще один декрет о суде, по которому роль окружных судов усиливалась, а функции революционных трибуналов сужались. Тогда же разрешалось с августа этого года возобновлять дела, приостановленные после 25 октября 1917 года [31]. Наконец, 21 октября 1920 г. ВЦИК утвердил Положение о Народном суде РСФСР, по которому суд делился на постоянных су-

дей и очередных судей – народных заседателей, выбираемых в определенном порядке местными советами. В этом Положении определялись функции суда, их компетенция и порядок судопроизводства.

Помимо судебной организации главным правоохранительным органом вначале был народный комиссариат юстиции, который в первые месяцы советской власти вобрал в себя все функции правоохраны и надзора. Наркомюст утвердил перечень учреждений, имевших право осуществлять обыски, аресты и конфискации, т. к. на местах наблюдались серьезные злоупотребления в этом вопросе. В 1918 г. работа наркомюста касалась в основном налаживания работы вновь созданных органов на местах, отсюда и инструктивный характер его постановлений. Дело в том, что во время военных действий возросла роль военных и чрезвычайных органов власти.

Во второй половине 1920-х гг. шла работа по корректировке советской правовой системы в рамках вновь созданного союзного государства. В мае 1922 г. впервые в советской политической системе был создан надзорный орган «за исполнением законов» – Государственная прокуратура, которая входила в состав наркомюста [26]. Нарком юстиции одновременно выполнял обязанности Прокурора Республики. Он назначал прокуроров в губерниях, областях, а в автономных республиках назначение проводил ВЦИК республики. В то же время по федеральным вопросам все местные прокуроры были подотчетны Прокурору РСФСР. В июле этого года было также принято Положение о коллегии защитников.

Началась кодификация законов. В июне 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, в октябре – Земельный кодекс, в ноябре Трудовой и Гражданский кодексы, а в феврале 1923 г. – Уголовно-процессуальный кодекс. В конце 1923 г. Был создан Верховный Суд СССР, Положение о котором через год было утверждено сессией ЦИК СССР.

Особенностью этого периода была острая нехватка советских юридических кадров. В 1918 г. В.И. Ленин вынужден был

признать необходимость использования старых «буржуазных специалистов» как и в армии, так и в производстве [28, с. 165–208]. Поэтому 11 мая 1920 г. СНК принял Декрет «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием» [1]. Такой учет проводился отделами учета рабочей силы местных исполкомов советов. Зарегистрированные лица могли быть направлены на работу либо в распоряжение наркомата юстиции, либо в учреждения, где нуждались в юристах-практиках. Несмотря на нехватку кадров, классовый принцип комплектования органов государственной власти оставался неукоснительным. В связи с классовыми ограничениями, выбор среди прежних специалистов был невелик, поэтому 22 декабря 1922 г., выполняя поручение IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совнарком принял специальное постановление об открытии юридических курсов.

При создании органов прокуратуры руководство также столкнулось с дефицитом грамотных работников. 9 ноября 1923 г. наркомат юстиции принял циркуляр об обязательности проверки знаний лиц, претендующих на вакантные должности в это ведомство [26]. Претендентов проверяли на знание Конституций РСФСР и СССР, Положения о судеустройстве, знания о порядке работы ГПУ, Уголовного розыска, милиции. Кандидат должен был показать знания основных кодексов, некоторых направлений государственной политики – налоговой, жилищной, реквизиционной. Он должен был показать знание порядка технической работы, например, составление протоколов и обвинительных заключений, а также основ делопроизводства.

Разрушение старой государственной машины Российской империи не обошло и такой ее институт, как нотариат. Несмотря на то, что в первом Декрете о суде ни слова не говорилось об отмене Положения о нотариальной части 1866 г., фактически этот институт был отменен сразу же с приходом к власти большевиков. Функции нотариусов ограничивались тем, что они заверяли за-

кладные и заемные письма по старым инструкциям [30]. В годы гражданской войны гражданский оборот жителей большинства регионов России был сведен к минимуму. Одной из причин были военные действия, хозяйственный хаос, повышенная мобильность населения, его маргинализация. Усугубляла эту ситуацию и политика «военного коммунизма», нивелировавшая гражданские взаимоотношения в обществе. Коллегией Совнаркома 14 декабря 1917 г. был принят Декрет «О запрещении сделок с недвижимостью» [23, с. 240]. Городская земля обобществлялась, и все сделки по продаже, покупке, залогу городских недвижимости и земель запрещались. Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [33, с. 111–115] и постановление народного Комиссариата юстиции от 6 сентября 1918 г. «О противозаконности сделок купли-продажи строений, находящихся в селениях» [37, с. 715] конкретизировали и уточняли данный запрет. Завершением процесса отмены частной собственности стал декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» [36, ст. 50]. Все имущество, стоимость которого превышала 10 тыс. рублей, после смерти владельца переходило государству, и им распоряжались местные советы. По содержанию Декрета ВЦИК 20 мая 1918 г. «О дарении» становится ясным, что нотариальные действия приравнивались к судебным актам. Дарение имущества стоимостью от 1 тыс. до 10 тыс. рублей «должно быть облечено в форму нотариального или судебного акта» [24].

В начале 1919 г. наркомюст разрешил в городах иметь при судебно-следственных подотделах губернских отделов юстиции нотариальные столы, которые создавались в уездах при местных народных судах более простые процедуры, например, свидетельствование верности копий с документов или подлинности подписей [24]. Циркуляр наркомата юстиции РСФСР от 9 декабря 1918 г. возложил функции нотариата на различные органы местного управления – юридические отделы советов, отделы ком-

мунального хозяйства и социального обеспечения, на народных судей. В целом единообразной системы нотариата с определенными функциями не было.

После февраля 1917 г., как и повсеместно в бывшей Российской империи, правовая система на Юге России не претерпела серьезных изменений. Только подчинение органов суда, прокуратуры, адвокатуры и нотариата перешло под руководство министерства юстиции Временного правительства. Все правовые институты на Ставрополье, также как на Тереке и Кубани, продолжали действовать на основе дореволюционного законодательства. Это относилось и к работе нотариата.

Так, в Актовой книге ставропольских нотариусов Владимира Ивановича Манжоса-Белого и нотариуса Ивана Ивановича Васильева с середины августа 1917 г. по осень этого года зафиксированы 21 договор и купчие на куплю-продажу недвижимости и земельных участков [11]. В частности, 15 сентября 1917 г. в конторе нотариуса И.И. Васильева, в соответствии с правовыми формулами и по всем нормам Российской империи, была заключена купчая сделка. Во-первых, была зафиксирована законная правоспособность сторон – моздокского мещанина П.Г. Гургенбекова, который покупал у херсонского крестьянина А.И. Полетаева домовладение, пнаходившееся в Ставрополе. Во-вторых, сделка была заверена в присутствии трех свидетелей из ставропольских жителей, лично известных нотариусу. В-третьих, нотариус проверил по документам законность владения Полетаевым частью дома в Ставрополе, что на Николаевском проспекте, который он продавал, с указанием всех данных о домовладении, в том числе об электропроводке в доме. Покупка была оформлена на 55 тысяч рублей, в том числе – 5 тысяч за электричество как движимое имущество. Были соблюдены и установленные нотариальные тарифы: 3 рубля за актовый документ, 80 копеек – за выписку из него и 200 рублей – за публикацию купчей крепости [11, л.3, 3 об.].

Подобным же образом заключалась сделка о продаже домовладения вдовой Н.Ф. Мартыновой, заверенная И.В. Манжос-Белым [11, л.4]. При этом прилагалась выписка из крепостной книги нотариального архива Ставрополя, подписанная нотариусом Г.К. Пправе в 1911 г., которая была основанием для законности этой сделки [11, л.5, 5 об.]. Это было типичной ситуацией в работе ставропольских нотариусов в период с февраля 1917 по 1918 год. К примеру, для совершения покупки усадебной земли у Д.Г. Хорошильцева последнему пришлось предоставить нотариусу И.В. Манжос-Белому подобную выписку за 1913 г. о покупке Хорошильцевым этой недвижимости [11, л.8 – 10]. Несмотря на беспокойное время, в августе 1917 г. тот же нотариус заверил договор, по которому горный инженер А.Д. Воскресенский занял на 3 года, т.е. до 1920 г. у А. С. Забелло 35 тысяч рублей под 7% годовых под залог дома [11, л.16, 16 об.]. Нотариус И.И. Васильев в августе 1917 г. заверил доверенность А.К. Конюховой Н.В. Эйману на бланке дореволюционного образца [11, л.38–39].

Такая практика сохранялась по инерции и в первые месяцы после прихода в Ставропольской губернии к власти большевиков. Г.К. Пправе заверил сделку о купле дома с усадьбой мещанином А.Г. Ивановым у мещанки П.А. Блиновой 4 января 1918 года. Георгий Константинович оформил такую же купчую 14 марта 1918 года [7, л.1, 1 об., 2, 2 об.]. В феврале этого же года этот же нотариус заверил сделку между Ставропольской городской управой в лице члена этой управы Ф.П. Иоговского и псаломщиком А.П. Ивченко по продаже последнему части городской земли по городскому плану, «Высочайше утвержденному 10 ноября 1871 года» [7, л.3]. Таким образом, еще на третьем месяце советской власти в Ставрополе продолжали действовать прежние органы местного самоуправления и продолжали функционировать прежние правовые институты, включая нотариат. Всего с марта по август 1918 г. Г.К. Пправе заверил 14 купчих крепостей между жителями Ставрополя

и губернии [5]. И.И. Васильев нотариально оформил с мая по ноябрь 1919 г. 16 купчих крепостей [6].

Вскоре началось разрушение прежнего института нотариата. Местные советы и Ставропольский совнарком следовали указанию Постановления Совнаркома республики от 23 марта 1918 г. об отмене Положения о нотариальной части, а также решению о муниципализации нотариальных контор. Выполнение всех нотариальных функций было возложено на местные советы. Однако с лета 1918 г. в большинстве уездов Ставропольской губернии была установлена военная власть белой армии, и в условиях гражданской войны продолжало действовать прежнее положение о нотариате. Все 12 нотариусов Ставропольского окружного суда продолжали работу. По сравнению с предыдущими годами, в этот период в Ставрополе и других населенных пунктах губернии число нотариальных сделок с недвижимым имуществом значительно выросло. Так, нотариус И.В. Манжос-Белый только за вторую половину 1919 г. заверил 4 договора на продажу посевных угодий, 14 купчих на домовладения и 1 договор дарения [4]. С мая по ноябрь 1919 г. Г.К. Пправе заверил 21 купчих крепостей на усадьбы и землю [2], 3 завещания [9] и 1 дарственную [10].

В книге сборов за нотариальные действия Г.К. Пправе за июнь 1919 г. сделано более 70 записей. Это было заверение копий документов, подписей под официальным документом, оформление завещаний, доверенностей, опротестование векселей, дарственных, выписки из купчих, закладных и проч. [8]. Остались прежними не только нотариусы, но и доверенные ему свидетели. К примеру, ставропольский дворянин Северин Петрович Нагорничевский, бывший свидетелем у Г.К. Пправе в 1917 г., оставался им и летом 1919 г. при заключении завещания крестьянина К.А. Головачева его жене по третьему браку [3, л.1].

После восстановления советской власти в Ставрополе 29 февраля 1920 г. и губернии нотариальная служба продолжала

действовать в прежних рамках, а в 1921 г. окончательно встроилась в советскую политическую систему. Весной 1921 г. в целом по стране условия для нотариальной деятельности стали более благоприятными, поскольку объявленный решениями X съезда РКП (б), а также последующими официальными документами переход к новой экономической политике способствовал возрождению товарно-денежных отношений. После принятия основных документов по нэпу совнарком 8 августа 1921 г. узаконил сделки с недвижимостью, разрешив «возмездное отчуждение немунципализированных строений собственниками их с тем, чтобы в руках одного лица не сосредоточивалось более одного владения». При этом устанавливалось обязательное нотариальное засвидетельствование сделок по купле-продаже муниципализированных строений [29]. В губернских городах регистрация сделок проводилась в губернских отделах юстиции, а в уездах – в уездных бюро юстиции. В первом Положении о государственных подрядах и поставках 30 сентября 1921 г. указывалось, что «договор подряда или поставки, совершаемый от имени государства, должен быть зарегистрирован в Губернском Отделе или Уездном Бюро Юстиции», что было равнозначно нотариальному действию [38, ст. 549].

Все это вело к расширению потребностей в нотариальных действиях. Однако четкого понимания о работе нотариата не было. Поэтому в январе 1922 г. были опубликованы «Тезисы о нотариате», после чего 26 января прошел IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции [39, ст. 804]. Признавая необходимость института нотариата, участники съезда считали главным отличием его от дореволюционной службы то, что советский нотариат является государственным учреждением, а нотариус становится ответственным должностным лицом, который обеспечивается государством, а не клиентами. Делегаты съезды считали, что нотариальные органы должны стать частью системы советских органов юстиции, а значит, к ним были применимы принципы и подходы советского правосознания.

В преддверье составления нового документа о нотариате по распоряжению Наркомата юстиции РСФСР в губерниях и уездах были проведены проверки деятельности нотариальных столов, которые показали неудовлетворительность функционирования нотариальной службы. Как отмечают отечественные историки права, некоторые нотариальные столы по нормам старого Положения свидетельствовали договоры, устанавливающие правоотношения, не допускавшиеся советским законодательством или еще не урегулированные. Поэтому 3 марта 1922 г. на места была разослана специальная инструкция [25].

Положение о нотариате было принято правительством 4 октября 1922 г. [39, ст. 807], т. е. раньше, чем Гражданский кодекс, который был подписан 11 ноября 1922 г., а действие начиналось с 1 января 1923 года. Во всех городах страны местными органами власти с согласия Наркомюста учреждались нотариальные конторы. В поселениях, где не было нотариальных контор, нотариальные действия совершались народными судьями по таксе нотариата. При отборе нотариусов действовал классовый принцип, т. к. нотариусом мог быть только тот, кто не был лишен избирательного права, не работал по личному найму и не был частным предпринимателем. Нотариусы непосредственно подчинялись президиумам губернских советов народных судий, а общее руководство над нотариальной деятельностью осуществлял Наркомат юстиции.

В Положении о нотариате 1922 г. выделялось 7 видов нотариальных действий. В нем оговаривалось место совершения разных форм нотариальных действий, условия, при которых нотариус может осуществлять эти действия, ограничения для этих действий, например, родственные отношения одной из сторон (как в дореволюционном Положении) сделки с работником нотариата. Оформление нотариальных действий и ряд правил при их проведении были заимствованы из Положения о нотариальной части 1866 года, но толковались на советский лад. При воссоздании системы нотариата советская власть в силу своих доктриналь-

ных принципов не могла допустить сохранение нотариата в его дореволюционных формах. Нотариат становился частью государственного аппарата. В разное время он входил в систему различных правоохранительных органов – судов или отделов юстиции местных советов.

Декретом СНК РСФСР 8 ноября 1922 г. была введена такса оплаты нотариальных действий. Был узаконен термин «нотариальные действия» [27]. Окончательно правовое закрепление нотариальной практики было сделано в Гражданском кодексе РСФСР [20, с. 113–178]. В его четвертой части о сделках отдельно выделяются нотариальные сделки, вносимые нотариусом в актовую нотариальную книгу. Нотариальное действие было обязательным по отношению к особо важным документам. По Гражданскому кодексу восстанавливалось наследственное право, хотя и ограниченное размером наследства не более 10 тыс. золотых рублей, что расширяло функции нотариата. В августе 1923 г. в действие было введено Положение о нотариате издания 1923 года [40, ст. 726].

До принятия нового Положения о нотариате 1926 г. документ неоднократно исправлялся и изменялся, как того требовала нотариальная практика. В частности, 18 октября 1924 г. по декрету СНК несколько изменялся порядок оформления нотариальных действий в статьях 7, 9, 17, 19 [41, ст. 839]. В 1925 г. было внесено изменение в статью 13, когда при засвидетельствовании сделок нотариус мог в исключительных случаях не требовать личной явки в нотариальную контору представителей государственных учреждений, лично известных работнику нотариата [21].

Основанием для новой перестройки советской системы государственного управления и всех ее элементов, включая нотариат, стало образование СССР. 14 мая 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об основных принципах организации государственного нотариата» [34]. К осени было разработано новое Положение о нотариате в РСФСР [44, ст. 576]. Подобные Положения были приняты во всех союзных республиках. Бесконечные реформы были одной из

характерных черт политической жизни страны периода становления советской социально-политической системы. Постоянные изменения в организации и функционировании нотариата на местах ограничивали его активность, порождали многочисленные ошибки нотариальной службы.

На Ставрополье, несмотря на распоряжения центральной власти, первое время после возвращения советской власти нотариальная практика опиралась на дореволюционный опыт. В архиве Ставропольской государственной конторы за 1921 г. имеются удостоверения, заверенные нотариусом на основании окладных книг Городской Управы за 1914 г., что недвижимость, принадлежавшая некоторым горожанам, не отчуждалась ими за время гражданской войны. Это касалось, например, А.Т. Прудкова и его семьи, а также В.В. Шевякова и его семьи [13, л.189, 204]. Даниилу Ткагманову губернский коммунальный отдел выдал удостоверение о том, что этот гражданин никакой недвижимости в Ставрополе не имеет. Этот документ также был подан для нотариального заверения [13, л.10].

Архивные документы по истории нотариата раскрывают не только изменения правового поля советской республики, но и перемены в социальной жизни общества. На Ставрополье реализация Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г., [22, с. 286–287], который отменил право частной собственности на недвижимость в городах, в полной мере началась в 1920 г., когда в исполкомах были созданы коммунальные отделы, что свидетельствовало о попытке ввести проблему городского жилья в правовое русло. Всего за 1921–1930 гг., по данным источников, более всего совершалось нотариальных заверений договоров купли-продажи недвижимости. К концу этого периода участились заключения договоров застройки. На втором месте среди нотариальных действий было удостоверение завещаний и доверенностей. Встречались и договоры аренды и найма, акты дарения, продажи имущества, а также договоры между кооперативными и государственными предприятиями [6]. Пережив продразверстку 1920 г.,

голод 1921–1922 г., ставропольские крестьяне к концу 1920-х гг. стали восстанавливать свое благосостояние, обзаводиться имуществом и недвижимостью в городе. Например, весной 1927 г. «хлебороб», как говорится в документе того времени, И.А. Базило из села Спицевки продал крестьянину из Ставрополя Г.А. Погребенному немунципализированный каменный дом под железной крышей с усадьбой [18, л.1]. Тогда же домохозяйка Е.И. Лесянова продала деревянный дом в Ставрополе крестьянину В.А. Бастрыкину [18, л.12].

При покупке строений покупатели приобретали и право пользования усадьбой, т. е. земельным участком со всеми насаждениями на нем. Следовательно, вместо покупки земли, которая по Декрету советской власти была национализирована, человек мог приобрести только пользование участком. К примеру, в апреле 1925 г. нотариус В. Манжос-Белый засвидетельствовал договор, по которому А.Я. Шенфельд продал М.Ф. Заволокиной и А.М. Савиной не только деревянный однокомнатный дом и другие постройки, но и право пользования землей около 100 м по периметру вместе с деревьями [19, л.82, 22].

Кроме того, стало активно приобретаться жилье в городе с публичных торгов. Так, в том же апреле 1927 г. нотариус Ф. Краснов подготовил такой акт для А.А. Ефименко, которая купила на публичных торгах немунципализированное строение Е. П. Григорьевой за 260 рублей. Наряду с указанием размеров и границ усадьбы, в подобных актах купли-продажи указывались и все денежные сборы за сделку [18, л.123]. Особенностью договоров купли-продажи права застройки было то, что при покупке права застройки покупатель брал на себя и все обязательства по договору застройки. Поскольку земля была изъята советской властью из рыночных отношений, то речь шла не о продаже того или иного земельного участка, а о праве застройки на государственной земле. Таким образом, в нотариальных актах отражались особенности социальных и экономических реалий советской политической системы.

Значительную долю нотариальных действий частного порядка составляло свидетельство завещаний. По мере налаживания мирной жизни их становилось больше. Например, П. П. Яковлева, жительница Ставрополя в 1927 г. завещала все свое недвижимое имущество долями своим сыновьям и дочерям. Как и было предусмотрено Положением о нотариате 1926 г., в присутствии работника нотариата Ф. Краснова за безграмотную завещательницу по ее личной просьбе расписался М. Е. Иванов [18, л.132]. Подобные завещания были составлены в 1928 г. в Ставропольской нотариальной конторе для М.И. Каменьщиковой. Иногда завещание содержало не только имена наследников, но и условия завещания, как это было в завещании С.Н. Стародубцева, в которое входило требование к наследникам содержать его жену [18, л.34]. Гораздо реже заключались договора залога имущества. В основном они касались частных предпринимателей. Так, в 1928 г. торговец из станицы Каменобродской Армавирского округа К.П. Безчастнов заверил у Ставропольского нотариуса договор с сыном тоже торговцем С.К. Безчастновым о займе 1500 руб. на 2 года под залог локомотива 12 лошадиных сил, мельничных камней, которые находились в станице Новотроицкой [19, л.39].

Ставропольская нотариальная контора также свидетельствовала договора между организациями. Так, 12 сентября 1925 г. был нотариально заверен договор между Виноделенским районным исполнительным комитетом в лице заведующего местхозом райисполкома Д.Г. Луппо и акционерным обществом Хлебопродукт в лице его уполномоченного Д.Е. Кузьмина [17, л.11]. По этому договору орган местной власти брал на себя обязательство закупать по 1 января 1926 г. зерно и семена масличных культур в районе сел Золотаревки и Большая Джалга Виноделенского района для АО Хлебопродукт.

Нотариусы Ставрополя свидетельствовали также договора и между государственными организациями и кооперативами. В феврале 1928 г. Ставропольский райис-

полком заключил договор с промышленной артелью «Личный труд» об аренде мельницы Волобуева, в тот момент им. Климова. В договоре условием для арендаторов был капитальный ремонт и техническое улучшение мельницы, а также допустимые размеры помола. Арендаторы должны были проводить текущий ремонт, платить налоги, соблюдать санитарные нормы и условия труда [19, л.96–98].

В разгар нэпа на аграрном Ставрополье нередкими были договоры аренды земли. Так, весной 1927 г. Наркомат земледелия в лице заведующего Ставропольским окружным управлением Ф.А. Лучанинова заключил договор аренды земли с жителями хуторов Московского Ульяновского сельсовета Виноделинского района. По этому договору государство сдало хуторянам в аренду на 3 года часть наделного участка хутора Московского размером 1890 десятин. В договоре из 35 пунктов оговаривалось предназначение этих земель, размер арендной платы. Государство не несло никаких обязательств перед арендаторами, зато крестьяне выступали как бесправная сторона. Реальным хозяином земли оставалась власть, поэтому арендаторы не имели права препятствовать проведению земельными органами на арендуемом участке землеустроительных, мелиоративных работ. Несмотря на то, что договор вступал в силу со дня его подписания, т. е. 13 апреля 1927 г., крестьяне должны были заплатить задним числом за пользование землей с 1 сентября 1926 г. по 1 марта 1927 г. по 12 коп. за десятину, что составило 226 руб. 80 коп. Подлинник договора хранился в Наркомате земледелия в Москве, а у арендаторов – только копия [19, л.23–25].

В середине 1920-х гг., несмотря на улучшение материального положения общества, оставался острый дефицит на многие товары. Поэтому нотариально заверенные договоры купли-продажи составлялись и на движимое имущество. В 1928 г. один ставропольский кустарь И.С. Бовин продал трем другим кустарям за 1100 руб. чугунный станок для ленточных пил, станок для

строчки спиц, точильный станок, ленточные пилы, рубильник с электропроводкой, реостат [19, л.115]. В числе дефицитных товаров оставалась и писчая бумага. Не случайно еще в 1926 г. многие сделки продолжали оформляться на бланках дореволюционного образца. Примером этому может служить договор купли-продажи между Е.П. Вартановой и крестьянином А.А. Литвиненко. Выписка из актовой книги для покупателя была сделана на актовой бумаге дореволюционного образца, на которой были советские надпечатки [19, л.2].

Постепенно деятельность нотариальных служб налаживалась. Так, согласно распоряжению № 7 заведующего Ставропольской государственной нотариальной конторой 3 ноября 1923 г., помимо нотариуса и его заместителя предусматривались еще 5 штатных единиц. Среди них 2 машинистки: Н.И. Бачурина и З.П. Хлапонина, делопроизводитель М.Е. Иванов. Кроме того, в конторе работала реестрант З.Г. Борисова, видимо, по прежней номенклатуре – писарь, и курьер А.А. Захарова [14, л.7].

Из Центра приходили циркуляры и распоряжения, уточнявшие различные стороны работы нотариата на местах. Так, 19 октября 1928 г. циркуляр Наркомата финансов и Наркомата юстиции РСФСР разъяснял порядок сдачи нотариальных сборов государству и особенности финансирования нотариальных контор. Расходы местных нотариатов велись в то время за счет кредитов, которые получали региональные суды, в частности Северо-Кавказский краевой суд, а нотариальные действия судей – за счет местного бюджета [14, л.1]. В этот период была предпринята очередная попытка сократить траты на государственный аппарат на местах в свете политики режима экономии. Из циркуляра финансового отдела Наркомата юстиции 10 декабря 1928 г. видно, как шла централизация всех областей советской жизни. С осени этого года оплата нотариальных действий шли в бюджет государства. Нотариальные сборы судей полностью уходили в местный бюджет, а из этого бюджета финансировались их нотариальные услуги [12, л.2].

Форсированное создание тяжелой индустрии требовало денежного обеспечения золотом, и в июле 1928 г. появляется циркуляр Наркомата юстиции РСФСР об освобождении золотопромышленников от нотариальных сборов. Еще в 1924 г. частная и государственная золотопромышленность была освобождена от большого числа налогов и пошлин. В 1928 г. с них снимались и нотариальные сборы [12, л.6].

Как известно, с середины 1920-х гг. наступила полоса дипломатического признания СССР, а значит, расширились и внешние отношения. В 1928 г. в местные нотариальные конторы поступило распоряжение заведующего подотделом государственного нотариата Наркомюста РСФСР о порядке оформления документов, направляемых в учреждения за границей. Заявления, справки, адресованные в посольства и консульства СССР, не требовали дополнительного заверения. Если же документы предъявлялись иностранным властям, то они должны были иметь нотариально заверенные визы. Например, заявления о выезде из Польши в СССР предъявляются и представителям СССР в Польше, и польским властям, поэтому в них должны быть визы Наркомата юстиции и Наркомата иностранных дел СССР, заверенные в нотариальных конторах [12, л.7].

Однако на местах работа нотариусов не была до конца упорядочена. Значительные недоработки были обнаружены в нотариальных действиях районных исполкомов и сельсоветов. Они часто выходили за пределы своей компетенции или же удостоверяли документы граждан, которые не имели отношения к данной местности. Поэтому 7 января 1928 г. в местные нотариальные конторы поступила инструкция [12, л.16–31], в которой повторялись условия нотариальных действий сельсоветов и райисполкомов из Постановления ВЦИК и СНК РСФСР 26 сентября 1927 г. о нотариальных действиях волысполкомов и сельских советов [45, ст.688]. В Постановлении обязанность инструктировать работников исполкомов

и сельсоветов по производству нотариальных действий возлагалась на нотариусов ближайшей по территории нотариальной конторы.

Частое реформирование политическое управления затронуло и административно-территориальное деление страны. Так, летом 1926 г. в очередной раз изменилось территориальное положение Северо-Кавказского края, где уже произошли изменения в 1925 г. [43, ст. 44, 326; 42, ст. 563]. В 1925 г. край в административно-экономическом отношении состоял из 11 округов и 4 автономных национальных областей, то в 1926 г. в Северо-Кавказский край вошли 15 округов и 6 автономных областей [44, ст. 339]. Это не могло не коснуться и сети нотариальных контор в его округах, в частности, Ставропольского округа.

Непосредственной инстанцией для руководства Ставропольским нотариатом становился окружной суд, а общее руководство осуществляли краевые судебные органы Северного Кавказа, расположенные в Ростове-на-Дону. Поэтому ряд распоряжений окружная нотариальная контора Ставрополя получала из столицы края и обязана была ознакомить с ними районные и городские нотариаты. Так, Северо-Кавказский краевой суд за подписью его председателя В. Петрова и инструктора-ревизора краевого суда по нотариату Сокольского в ноябре 1928 г. уведомлял Ставропольскую окружную нотариальную контору о том, что продажа заложенных домов с публичных торгов Обществом взаимного кредита являлось законным и должно без препятствий удостоверяться нотариусом [12, л.47].

Окружные нотариальные конторы часто инициировали те или иные разъяснения краевого суда. Иногда требовалась немедленная помощь и нотариусы обращались в краевой суд по телеграфу. Наркомюст требовал подачи запросов в обычном порядке, не останавливая нотариальных действий. Краевой суд разъяснял, что нотариусы могли обращаться и в Наркомат юстиции, но указывать конкретный факт нотариальной

практики и мнение самого нотариуса [12, л.55]. Чтобы улучшить работу нотариата на местах, краевая власть посылала нотариусам и разъяснения других ведомств, в первую очередь, финансовых органов. Так, в августе 1928 г. Ставропольская окружная нотариальная контора получила официальное письмо налогового отдела краевого финансового управления о порядке взимания гербового сбора [12, л.61].

В ведении краевого суда Северного Кавказа был и вопрос организации отчетности нотариальных контор. Ежегодно краевой суд рассылал отношения о проведении отчетов нотариальными службами округов. В частности, в июле 1928 г. краевой суд уточнял обязательные формы отчетов по сравнению с 1927 годом. Краевой суд на своем пленуме утверждал объем нотариальных действий народных судей и районных нотариусов и на основании решения пленума составлял инструкцию окружным нотариатам. Такая инструкция 1928 г. предлагала перечень нотариальных действий, которые ни в коем случае не могли совершать народные судьи. Исключение составлял Сунженский округ [12, л.66–68]. Среди запрещенных действий было удостоверение сделок, хранение документов, выдача залоговых свидетельств. В то же время, в городах и селах, где не было нотариальных контор, нотариальные действия народных судей расширялись вплоть до удостоверения доверенностей для направления за границу или для людей, не живущих постоянно в этом месте.

Таким образом, после революции 1917 г. институт нотариата был фактически ликвидирован, но с приходом белых на Ставрополье продолжали действовать правила до революционного нотариата и продолжали работать прежние нотариусы. Вскоре после прихода советской власти был провозглашен курс НЭПа, который потребовал вернуть работу нотариата. В 1920-е гг. Ставропольская нотариальная контора, следуя Положениям о нотариате 1922 г. и 1926 гг., активизировала свою работу, но устоявшаяся системы нотариата еще не было.

Литература

1. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс] URL: <http://www.libussr.ru/> (Дата обращения: 21.09.2014).
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.121. Оп.1. Д. 118, 182, 183, 138.
3. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 120.
4. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 56.
5. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 6.
6. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 7.
7. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 84.
8. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 87.
9. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 92, 97, 135.
10. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 96.
11. ГАСК. Ф.123. Оп.1. Д. 30.
12. ГАСК. Ф.Р. 719 Оп 1. Д. 86.
13. ГАСК. Ф.Р. 719 Оп 1. Д.5.
14. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп 1. Д. 21.
15. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп 1. Д.87.
16. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 5, 21, 58, 80, 81, 86, 87, 97, 98, 114, 115, 116, 121, 117, 122, 123, 124.
17. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 58.
18. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 80.
19. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 87.
20. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года // Гражданский кодекс РСФСР – М.: Зерцало, 2002.
21. Декрет СНК от 15 мая 1925 г. «О дополнении примечанием статьи 13 Положения о государственном нотариате» // Библиотека нормативно-законодательных актов СССР. [Электронный ресурс] URL: <http://www.libuassr.ru/> (Дата обращения: 21.09.2014).
22. Декреты Советской власти. Т. 5. – М.: Гос. Издат-во политической литературы, 1971.
23. Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Гос. Издат-во политической литературы, 1957.
24. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Гос. Издат-во политической литературы, 1959.
25. Зацепина С.А. «Обратив в бумажную массу...» // Нотариальный вестник. – 1999. – № 5–6.
26. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 16 июня 1922 г. № 132.
27. Известия ВЦИК. 24.11.1922. № 266.
28. О предоставлении собственникам немуниципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества: Постановление СНК РСФСР от 8 августа 1921 года // СУ РСФСР. – 1921. – №60.
29. Пономарев А.Ф. Из истории российского нотариата // Нотариат в России. – М.: Наука, 2001.
30. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920. – М.: Политиздат, 1920.
31. Систематический сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – М., 1918.
32. Систематический сборник узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. – М., 1919.
33. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 02.06.1926. – № 35.
34. Собрание узаконений РСФСР (далее-СУ РСФСР). – 1926. – № 74.
35. СУ РСФСР. – 1917–1918 гг. – № 4.
36. СУ РСФСР. – 1918. – № 65.
37. СУ РСФСР. – 1921. – № 69.
38. СУ РСФСР. – 1922. – № 63.
39. СУ РСФСР. – 1923. – № 75.
40. СУ РСФСР. – 1924. – № 83.
41. СУ РСФСР. – 1925. – № 71.
42. СУ РСФСР. – 1925. – № 18.
43. СУ РСФСР. – 1926. – № 45.
44. СУ РСФСР. – 1927. – № 100.